

Д.А. Фурманов (1891—1926)

Лбищенская драма

В открытой степи, на берегу стремительного мутного Урала, раскинулась казачья станица Лбищенк, ныне переименованная в город.

Как все станицы уральских казаков, она разбросалась на огромном пространстве, протянулась длинными широкими улицами, обвилась густыми садами, ушла в поля бесконечными огородами. Урал здесь круто изгибается в дугу, и местами песчаный, местами скалистый берег далеко вклинивается в грязные волны реки, падая отвесными срывами. Кой-где кусты, перелесочки, а кругом, куда ни глянь, бесконечная степь, темно-зеленые и сизые дали, где опускается и пропадает горизонт. На север, до города Уральска, считают полторы – две сотни верст, а ниже, на юг – через Горячинский, Мергеневский, Каршинский и Сахарную, – дорога идет на Гурьев, до самого Каспийского моря. Зауральские степи, где кочуют киргизы, называются Бухарской стороной; они уходят на восток. А на западе – Кушумская долина, Чижинские болота, и через станицу Сломихинскую – Александров-Гай.

Может быть, нигде не была более ожесточенной гражданская война, чем здесь, в уральских степях. По страдному пути от Уральска до Каспия не один раз наступали и отступали наши красные полки. Уральское казачество билось отчаянно за мнимую свободу, оно с величайшей жестокостью душило протесты трудовой массы, с неукротимой ненавистью встречало красных пришельцев. Сожженные станицы, разоренные хутора, высокие курганы над братскими могилами, сиротливые надгробные кресты – вот чем разукрашены просторные уральские степи. Не одна тысяча красных воинов покоится здесь на пшеничных и кукурузных полях, не одна тысяча уральских казаков на веки вечные оставила станицы.

Одною из последних и наиболее драматических страниц в истории борьбы по уральским степям, несомненно, останется лбищенская драма, совершившаяся в ночь с 4 на 5 сентября 1919 года.

Гроза уральских казаков – красная Чапаевская дивизия – шла вперед. Август был месяцем отчаянных боев, когда мы шаг за шагом, часто без снарядов, без хлеба, с разбитым обозом двигались на юг, отбивая станицу за станицей, пока не заняли важнейшего центра – Лбищенска. Здесь остановились штаб дивизии, политический отдел, все дивизионные учреждения, школа курсантов, некоторые бригадные штабы, авиационный парк, обозы. Части ушли вперед, и 74-я бригада уже занимала Сахарную, верстах в семидесяти ниже Лбищенска. Казаки отступали на юг. Нашей задачей было – дойти до Гурьева, прижать их к Каспийскому морю, лишить опоры, принудить к сдаче.

Поздним вечером 3 сентября из степи прискакали фуражиры и сообщили штабу дивизии, что на них наскочил казачий разъезд и в завязавшейся схватке перерубил часть обозников. Ну что ж, казаки рыщут по всей степи, и нет ничего удивительного, что шальной разъезд подобрался к самому Лбищенску. На эту схватку посмотрели как на случайный эпизод, однако же во все стороны разослали конные разъезды, а наутро снарядили аэропланы и поручили им осмотреть окружную степь – нет ли где опасности, не движутся ли казаки. Воротились кавалеристы, прилетели аэропланы: тихо в степи, опасности нет ниоткуда. Весь день 4-го прошел в обыденной работе, штаб готовился

двинуться дальше. Чапаев – начальник дивизии – и Батулин – военный комиссар – выезжали к частям и снова вернулись в Лбищенск.

Вечером на охрану западной окраины станицы направили школу курсантов, выставив всюду ночные дозоры.

В это время стоявшие под Сахарной казаки надумали осуществить свой дьявольский план. Они видели, что дальше к Каспию открываются голые степи, что удерживаться будет чем дальше, тем трудней – там мало хлеба, мало лугов, трудно добывать питьевую воду. Уж если действовать, так действовать только теперь. И они решились. Отобрали тысячи полторы смельчаков и с легкими орудиями и пулеметами, во главе с генералом Сладковым и полковником Бородиным, поручили им ударить в наш тыл – незаметно пробраться мимо Чижинских болот, по Кушумской долине и внезапным налетом ворваться в Лбищенск. Этот рискованный маневр был рассчитан совершенно правильно в том смысле, что центр и оставлял без всякого руководства бригады, ушедшие под Сахарную и на Бухарскую сторону. Решение было принято. Казацкий отряд выступил в поход. Двигались только ночью; днем отдыхали и прятались по оврагам. На Лбищенск шла черная туча.

До сих пор остается совершенно неизвестным и не объяснимым целый ряд случайностей, которые произошли в Лбищенске в роковую ночь с 4 на 5 сентября.

Во-первых, странным кажется, что летавшие 1-го числа летчики ничего не заметили в степи со стороны Кушумской долины. Казаки двигались в среднем верст по тридцать пять за сутки и, следовательно, днем 4-го стояли от Лбищенска за три – четыре десятка верст.

Подобное же недоумение вызывает и ответ конной разведки, которая получила задачу как можно глубже обследовать степь.

Затем дальше. Когда казаки были уже под Лбищенском, дозоры, по-видимому, держали себя пассивно и подняли тревогу с большим опозданием. Наконец – и это особенно странно и невероятно – поздним вечером 4-го по чьему-то распоряжению была снята и уведена с охраны дивизионная школа курсантов. Словом, все обстоятельства сложились таким образом, что дали возможность казакам подобраться к станице совершенно незамеченными и врасплох накрыть лбищенский гарнизон.

Когда на улицах показались передовые казацкие разъезды, – это было в 4–5 часов утра, – среди повскакавших сонных красноармейцев поднялась сумятица. Удара никак не ожидали, а быстро сорганизоваться и дать отпор не могли. Все кинулись сначала к центру, оттуда на берег, к реке. Отдельные группы задерживались на выгодных местах, вступали в перестрелку, но, теснимые превосходящими силами казаков, вынуждены были отступать все дальше и дальше к другому обрыву. Чапаев, выскочивший в одном белье, собрал вокруг себя человек шестьдесят красноармейцев и сам руководил этой группой. Но что же могли поделать шестьдесят человек, когда на них то и дело бросались в атаку казацкие лавины... В это время на другой улице военный комиссар дивизии товарищ Батулин и начальник штаба товарищ Новиков собрали другую группу человек в восемьдесят – восемьдесят пять и держались настолько активно, что даже сами неоднократно бросались в атаку. Одна из атак была особенно удачна: храбрецам удалось отбить у казаков два пулемета и обернуть их против врага. Но беда заключалась в том, что связи между разрозненно действовавшими группами совершенно не было и успех одной из них парализовался неудачей другой. Вскоре Чапаева ранило. Окровавленный,

сжимая в правой руке винтовку, а левою держа наготове револьвер, он медленно отступал со своими сорока бойцами к берегу. Надо сказать, что по обеим сторонам станицы, по набережной стороне, казаки наставили пулеметов и косили тех, что бросались в воду в надежде добраться до того берега. Однако ж делать было нечего. Храбрецов прижали к самой реке. Раненого Чапаева, насколько было можно, спустили вниз. Он бросился в волны и поплыл... Но силы уже оставляли его, измученного, раненая рука онемела, он стал захлебываться, и, когда был уже близко к берегу, пуля, видимо, угодила ему прямо в голову. Чапаев пошел ко дну.

Группа, бывшая с Батуриным и Новиковым, не сдавалась. Батурин, уже будучи ранен в живот, сам работал на пулеметах и сдерживал казаков до тех пор, пока они не проникли в тыл и по дворам, откуда стали отвлекать наши и без того ничтожные силы. Скоро они рванулись в новую атаку. Цепь наша дрогнула, попятилась назад и побежала... Прятались кто куда. Между прочим, начальник штадива товарищ Новиков, с переломленной ногой, заполз в одну халупу, и добродетельная старушка хозяйка назвала его «мелким писаришкой» – и тем спасла жизнь. Батурина выдали: жители рассказали, что это комиссар дивизии, и казаки с остервенелыми лицами, кровожадные и разъяренные, вытащили его из халупы на волю. Били прикладами, били кинжалами, а потом, видимо, с размаху ударили головой о землю или о косяк двери, так как потом, когда разыскали его труп, он был страшно изуродован. Вся одежда была разодрана – ее рвали руками, резали кинжалами, протыкали штыками, секли шашками. Все тело было страшно обезображено, на подбородке зияла глубокая рана.

Когда погибла последняя геройская группа Батурина, организованного сопротивления уже никто нигде не оказывал. Казаки рыскали по домам, по дворам, ловили беглецов в степи, по берегу реки, в перелесках. Группами немедленно выводили их за станицу и ставили под расставленные заранее пулеметы. Расстреляно было так много, что три огромные каменные ямы у кирпичных сараев не могли вместить покойников – отовсюду из-под рыжей, окровавленной земли торчали головы, ноги, руки погибших героев.

Политический отдел, сражавшийся частью в группе Батурина, погиб едва ли не до последнего человека. Лишь только захватывали какую-нибудь группу – командовали:

– Жиды, комиссары и коммунисты, выходи вперед!

И коммунисты выходили – бессильные, но спокойные, бросали в лицо врагам обжигающие проклятья и мужественно умирали после пыток и истязаний.

Остальных уводили под пулеметы. Исаев, один из боевых товарищей Чапаева, будучи прижат вместе с ним к реке, выпустил шесть пуль по неприятельской цепи, а седьмую – себе в грудь. И над его трупом тоже издевались; прокололи мертвое тело штыками, так изуродовали, что лишь с трудом его ближайšie друзья по случайным признакам могли узнать в грязном комке земли, мяса и крови славного красного воина Петра Исаева.

Через два часа вся станица была усеяна трупами. Всюду валялись выпущенные кишки, заборы обрызганы были мозгами и кровью, то здесь, то там темнели отсеченные головы, руки, ноги. Казаки справляли кровавое похмелье. В тот же день, 5 сентября, в Сахарной стало известно о том, что произошло в Лбищенске. Надо было немедленно принимать какое-то решение. Идти вперед, без штаба дивизии, без руководства и снабжения – невозможно. Отступить – трудно: сзади путь отрезан, а из-за Сахарной уже появились новые белые

части. Сизов, командир 73-й бригады, принял на себя командование дивизией и, невзирая ни на что, приказал отступить на Лбищенск и дальше – на Уральск. С места решено было сняться ночью, сняться так тихо, чтобы казаки не заметили, не услышали. Каждому красноармейцу объяснена была предстоящая операция, все знали, что и как надо делать. Лишь стемнело, начали строиться полки. В середину, в кольцо, они замкнули обозы и артиллерию, в арьергарде оставили кавалерийские части, которые должны были сдерживать натиск, если только неприятель заметит и поймет наш маневр. В станице разложили костры, чтобы этим еще более успокоить врага, уверить его в том, что никакого движения не происходит.

Приготовления совершались с поразительной быстротой, в глубокой тьме, среди гробового молчания. Приказания отдавались шепотом и шепотом передавались по цепи.

Лишь кое-где шипели из мрака то укоры, то легкая перебранка:

– Куда ты, черт, наехал! Ой, ногу отдал! Держи левее... Ишь, колесо-то скрипит – смажь... Усилить шаг... Ускорить шаг... – передается по цепи тихая команда.

Все быстрее и быстрее уходят в степь наши отступающие части.

На той стороне спокойно, – казаки уверены, что красноармейцы греются у костров.

Вот миновали Коршенской. А когда подходили к Мергеневскому, издалека – от Сахарной – донесся глухой и тяжкий взрыв. Это последний отходивший кавдивизион вынужден был взорвать церковь, где хранились наши снаряды. Вывозить было не на чем, оставлять врагу было бы бессмысленно – пришлось взрывать огромное здание.

Двое суток шли почти не отдыхая. В ночь с седьмого на восьмое достигли Лбищенска. Сюда еще раньше из Мергеневского пришла 73-я Сизовская бригада; накануне она выступила и направилась вверх, к Уральску, вслед за ушедшими туда казачьими частями.

В Лбищенске нашли смерть и запустение. Трупы были все еще не убраны, жители прятались по домам, улицы были глухи и страшны. Отправились в поле, где были расстреляны товарищи, отдали честь, последний долг, похоронили их в братских могилах. На поле нашли массу записочек; их набросали наши мученики, когда их вели на расстрел.

«Сейчас меня расстреляют, – говорится в одной, – казаки ведут к ямам...

Прощайте, товарищи... Вспоминайте нас.....

«Меня ведут расстреливать, – говорится в другой. – Прощай, Дуня, прощайте, дети.....

«Иду умирать... Да здравствует Советская власть!..» – говорится в третьей.

И так во всех – то проклинают врагов, то говорят, за какое великое дело идут на расстрел, то прощаются с друзьями, со стариками родителями, с женой, ребяташками...

Подходили бойцы один за другим, опускались молча на колени перед могилами дорогих покойников и так подолгу стояли без слов, полные скорбных чувств, полные тяжких и суровых дум...

Из погребов, подвалов, из-за бань, из огородных гряд, из-под сараев выползали отдельные, случайно спасшиеся счастливицы. Они рассказывали ужасы, от которых седеют головы.

В предбаннике, за выступом каменной стены, в бесчувственном состоянии нашли красного командира дивизиона. Он сражался вместе с Батуриным, а

когда был ранен в грудь, дополз сюда, заткнул шинелью кровавую рану и слышал, как в баню трижды вбегали казаки, наскоро осматривали полки и печь, звенели оружием и, как очумелые, мчались дальше. Больше тридцати часов продержался он здесь – без капли воды, без куска хлеба, заткнув свою рану грязной шинелью. Все верил, ждал, что придут свои. И дождался – они пришли. Взяли его бережно, унесли в лазарет. Выжил, поправился, теперь полушутя вспоминает, как спрятался в предбаннике, как мучился и ждал прихода освободителей.

Отдыхали в Лбищенске недолго, тронулись дальше на Уральск. Вскоре, под хутором Янайским, казаки настигли измученные красные части. Здесь был такой отчаянный бой, какого не запомнят даже испытанные командиры Чапаевской дивизии. Ночью, во тьме, казаки подползли на восемь шагов к нашим частям, спавшим мертвым сном после бессонных и трудных ночей. Когда от ураганного неприятельского огня наши части уже готовы были отступить, командир артиллерийского дивизиона товарищ Хлебников с исключительным мужеством и находчивостью так сумел повести артиллерийский обстрел, что быстро изменил картину боя. Наши ободрились, казаки дрогнули и стали отступать. Много наших бойцов полегло в этом бою, но еще больше полегло казаков; у них были скошены целые цепи, так рядами и лежали по степи.

Больше не было уже ни одного боя, подобного янайскому. Скоро подошла подмога. Казаки были повернуты вспять. И снова шли через Лбищенск наши красные полки, теперь уже до самого Гурьева, к Каспийскому морю. Застывали над братскими могилами, покрывали степь похоронным пеньем, вспоминали тех, что с беззаветным мужеством погибли в расстреле, в жестокой сече или в холодных и бурных волнах Урала.

Рабочий край. 1922. 23 февраля